

Неравенство инвестиций в человеческий капитал российских детей

Мареева Светлана Владимировна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
e-mail: smareeva@hse.ru

Слободенюк Екатерина Дмитриевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
e-mail: eslobodenyuk@hse.ru

Цитирование: Мареева С.В., Слободенюк Е.Д. (2022). Неравенство инвестиций в человеческий капитал российских детей. *Terra Economicus* 20(3), 98–115. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-3-98-115

В статье на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ проведен эмпирический анализ конфигурации неравенства в инвестициях в человеческий капитал детей в современном российском обществе и оценка произошедших в ней изменений под влиянием коронакризиса. Показано, что положение домохозяйства в социально-экономических иерархиях по уровню образования, профессиональному статусу, уровню дохода и субъективному самоощущению дифференцирует практики инвестиций в образование детей. Нарастание доли домохозяйств, инвестирующих в человеческий капитал детей, происходит отдельно по мере перемещения от менее к более благополучным позициям в каждой из этих иерархий. В период 2013–2018 гг. число семей, осуществлявших расходы на образование детей, возрастало, однако новый кризис, вызванный пандемией, повлек откат ситуации, нивелировав эти результаты во всех группах, кроме наиболее благополучных. С точки зрения охвата младшего поколения россиян дополнительными (для школьников – вне школы, для дошкольников – вне семьи) занятиями оказывается, что дети достаточно активно вовлечены в разные виды творческого развития, менее активно – в спортивные занятия, в наименьшей степени – в занятия, направленные на получение углубленных знаний. Коронакризис сократил вовлеченность и в спортивные, и в творческие занятия детей как из благополучных, так и из менее благополучных домохозяйств. Вовлеченность в получение дополнительных знаний оказалась наиболее устойчивой к этому внешнему шоку. Дети, получающие дополнительные знания, локализуются в домохозяйствах с высоким социальным статусом по различным осям, но даже в них составляют меньшинство. Многостороннее развитие ребенка, т.е. включенность во все три типа дополнительных занятий, практически не встречается, в то время как полная исключенность из каких-либо форм внешкольных / внесемейных развивающих активностей распространена достаточно широко.

Ключевые слова: человеческий капитал; инвестиции в человеческий капитал; человеческий капитал детей; неравенство; последствия пандемии

Финансирование: Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта 075-15-2022-325).

Unequal investing in the human capital of children (The case of Russia)

Svetlana Mareeva

HSE University, Moscow, Russia, e-mail: smareeva@hse.ru

Ekaterina Slobodenyuk

HSE University, Moscow, Russia, e-mail: eslobodenyuk@hse.ru

Citation: Mareeva S., Slobodenyuk E. (2022). Unequal investing in the human capital of children (The case of Russia). *Terra Economicus* 20(3), 98–115 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-3-98-115

We use RLMS HSE data to assess unequal investments in the human capital of children in Russia. Our analysis shows that the position of households in socio-economic hierarchies by the level of education, professional status, income and subjective positioning differentiates investing in children's education. The increase in the share of households that invest in the human capital of children occurs while moving from less to more prosperous positions in each of these hierarchies. Between 2013 and 2018, the number of households spending on children's education increased, but the pandemic caused the situation to reverse, offsetting these results in all but the most affluent groups. In terms of children engagement in additional educational activities (for schoolchildren – apart from school, for preschoolers – in addition to home and family activities), it turns out that children are highly engaged in creative activities, to a lesser extent in sports, and to the least extent in child development courses. At times of the Covid pandemic engagement in sports and creative activities reduced for children from advantaged and less advantaged households. Engagement in development courses proved to be most resilient to this external shock. Children participating in development activities belong to households with high social status, given various axes of social differentiation, but even in these they are a minority. Multilateral engagement of the child, i.e. participation in all three types of additional educational activities, is uncommon, while complete exclusion from any forms of extracurricular or extrafamilial activities is widespread.

Keywords: human capital; human capital investments; human capital of children; inequality; pandemic

Funding: The research is supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID 075-15-2022-325).

JEL codes: I24, Z13

Введение

Инвестиции в человеческий капитал, включая образование и здоровье как взрослых, так и детей, значимы для экономического развития. Актуальность этой темы усиливается не только в связи с необходимостью поиска новой модели экономического развития России, в которой человеческий капитал должен играть ключевую роль, но и под влиянием социально-экономической нестабильности последних лет. Важно оценить, как выглядит неравенство в инвестициях в человеческий капитал детей в современном российском обществе, как менялась его конфигурация в последние годы, в том числе под влиянием коронакризиса, и какие факторы дифференцируют его на микроуровне, поскольку оно во многом будет определять человеческий потенциал следующего поколения. Эти вопросы и будут выступать ключевыми для данной статьи.

Эмпирической базой исследования выступают данные репрезентативного обследования РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2013, 2018 и 2020 г. Они позволяют, с одной стороны, проследить изменения в период, включивший экономический кризис 2014 г. и негативную стабилизацию после него, а с другой – оценить первые последствия изменений, вызванных пандемией. К сожалению, имеющиеся данные пока не дают возможности увидеть те сдвиги, которые происходят под влиянием разворачивающегося санкционного кризиса, однако общий анализ степени устойчивости поведения российских домохозяйств в этом отношении позволит сделать некоторые предположения о потенциальных масштабах изменений.

Инвестиции в человеческий капитал как предмет анализа

Проблематика человеческого капитала в последние годы прочно заняла свое место в российской повестке экономического и социологического анализа. Не последнюю роль сыграл тот факт, что человеческий капитал начал рассматриваться как ресурс, позволяющий не только повысить доходы индивида, но и обеспечить устойчивое развитие страны на макроуровне (Кузьминов и др., 2016; Кузьминов, Фрумин, 2018).

С точки зрения анализа процессов накопления и сохранения человеческого капитала на микроуровне, особое внимание исследователей обычно привлекает средний класс. Обладая сравнительно более высоким уровнем образования и более высокими и устойчивыми позициями в социально-профессиональной структуре общества, а также уровнем доходов, позволяющим выбирать направления расходования свободных средств, его представители выступают наиболее активными потребителями платных услуг и тем самым инвесторами в навыки, знания и состояние здоровья – т.е. человеческий капитал в его наиболее распространенном понимании (Becker, 1993). Именно поэтому целый ряд работ российских исследователей в последние годы был посвящен инвестициям в человеческий капитал представителей среднего класса, в том числе в различных экономических условиях (Тихонова, 2008; Мареева, 2012; Пишняк и др., 2020). В этих исследованиях средний класс выделяется согласно наиболее распространенному в российской социологической практике многомерному подходу. Для попадания в его состав необходимо соответствие индивида / домохозяйства установленным критериям социально-профессионального статуса, уровня образования, уровня доходов; в некоторых методиках используется также критерий субъективной самооценки своего положения. Такой подход более чем оправдан, если в центре внимания находится социальная группа, в которой сосредоточены наиболее образованные и квалифицированные индивиды, а исследовательский вопрос состоит в том, отличаются ли практики инвестирования в человеческий капитал среди представителей этой группы по сравнению с остальными россиянами, и может ли она в силу этой специфики поддерживать вектор развития страны, в том числе в межпоколенческой перспективе.

Другой подход фокусируется на самих инвестициях в человеческий капитал и их дифференциации в разных социальных группах. В данной статье неравенство инвестиций в человеческий капитал детей будет рассмотрено через призму социальных осей, положение домохозяйств / индивидов в которых определяет как их объективный социальный статус (уровень дохода, образование, социально-профессиональный статус), так и субъективный (самооценка своего положения). Поскольку о российском обществе все еще нельзя говорить как об обществе с высокой консистентностью статусных позиций (Саблина, 2000; Коленникова, 2019), подобный анализ представляется актуальным. Он позволит прояснить, насколько изменение положения по каждой из этих осей (которое может не сопровождаться аналогичным изменением по другой), влияет на инвестиции в человеческий капитал детей. Также мы проанализируем динамику подобных инвестиций для оценки устойчивости соответствующих практик в разных экономических условиях и, в частности, с учетом влияния пандемии.

Инвестициям в человеческий капитал детей уделяется сравнительно меньше внимания в эмпирическом анализе, хотя этот вопрос очень значим для оценки перспектив развития. Лауреат Нобелевской премии Д. Хекман показал, что инвестиции в навыки и мотивацию детей, осуществленные на ранних этапах, дают наиболее высокую отдачу, которую сложно компенсировать

дальнейшими вложениями на более поздних этапах жизненного цикла (Heskman, 2000; 2006). Он обращал особое внимание на некогнитивные навыки, однако оценка последних остается за пределами фокуса данной статьи в связи с ограничениями имеющегося инструментария.

В зарубежных исследованиях также представлена линия анализа, в центре внимания которой – роль класса в формировании человеческого потенциала следующего поколения (Lareau, 2003) и оценка взаимосвязи между положением в различных иерархиях (доходных, иных социально-экономических в более широком их понимании) и материальными и временными вложениями родителей в детей, а также их динамики (Bianchi et al., 2004; Altintas, 2016; Kornrich and Furstenberg, 2013; Kornrich, 2016). Исследуется и роль уровня неравенства доходов как фактора макроуровня, модифицирующего взаимосвязь между собственным положением и инвестициями в детей (Schneider et al., 2018; Park et al., 2016; Campbell et al., 2004). Мы остаемся в рамках первого направления анализа, сосредоточиваясь на микроуровне.

В качестве показателей инвестиций в человеческий капитал нами рассматривается, прежде всего, потребление платных образовательных услуг для детей. Будут также использованы данные о внеучебных занятиях. Сразу нужно отметить, однако, что возможности инструментария для получения этих данных ограничены. Кроме того, различные формулировки соответствующих вопросов приводят к определенным расхождениям результатов, полученных по различным базам эмпирических данных, о чем еще будет сказано ниже. Это связано с тем, что не все расходы в сферах образования можно рассматривать как инвестиции в человеческий капитал; часть из них также является не результатом сознательного выбора, а следствием вынужденности и отсутствия бесплатных альтернатив. Помимо этого, часть инвестиций в человеческий капитал детей, оказывается, связана не с дополнительными расходами денежных средств (например, при посещении бесплатных кружков и занятий), а с вложением времени взрослых членов домохозяйства. В целом можно говорить о том, что проблема измерения инвестиций в человеческий капитал, а также оценки его уровня и качества для детей (как, впрочем, и для взрослых) пока не имеет универсального методологического решения. Однако те результаты, которые позволяют получить имеющиеся эмпирические данные, представляют большой интерес и многое говорят и о характере неравенства в этом отношении в современном российском обществе, и о перспективах его воспроизводства.

Говорить об инвестициях в человеческий капитал детей можно только с определенной долей условности, так как знания, навыки и способности детей еще не являются капиталом и не могут приносить ренты, но могут стать человеческим капиталом в перспективе. Понимая это ограничение, мы все же используем формулировку «человеческий капитал» и в отношении детей.

Эмпирической базой для анализа выступают данные нескольких волн Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) НИУ ВШЭ¹, инструментарий которого позволяет оценить распространенность потребления тех или иных платных услуг домохозяйствами, а также вовлеченность детей дошкольного и школьного возраста в дополнительные образовательные и творческие занятия. Исследование базируется на ежегодных репрезентативных опросах, построенных на основании стратифицированной территориальной выборки. В 2020 г. объем выборочной совокупности составил 4831 семью (12 123 респондента)².

Расходы на платные образовательные услуги для детей российских домохозяйств

Первое представление о степени распространенности инвестиций в человеческий капитал детей в современной России позволяют получить данные РМЭЗ НИУ ВШЭ о расходах на платные услуги для них. Респондентам задается вопрос о том, тратились ли в течение последних 30 дней семейные деньги на следующие виды платных услуг:

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (сайты обследования RLMS HSE: <https://rlms-hse.cpc.unc.edu> и <http://www.hse.ru/rlms>).

² В зависимости от задач, использовались данные по домохозяйствам или индивидам, что отдельно оговаривается в тексте. Для анализа динамики привлекались также данные опросов домохозяйств за 2000, 2005, 2010, 2013, 2015, 2018 г. (объем выборочной совокупности в каждом случае составлял 3319, 3156, 6325, 6148, 4862, 4824 домохозяйств и 9009, 8340, 16 867, 16 087, 12 667, 12 161 респондентов соответственно).

- на содержание и оплату занятий детей;
- на оплату занятий взрослых членов семьи;
- на лечение и медицинские обследования, включая стоматологию, но исключая покупку лекарств;
- на путевки в санатории, дома отдыха и детские лагеря, туристические поездки.

Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ показывают, что наиболее распространенными из платных услуг, которые в целом можно рассматривать как инвестиции в человеческий капитал, выступают именно образовательные услуги для детей, оплату которых за последние 30 дней до опроса 2020 г. осуществляли около половины домохозяйств, имеющих в своем составе детей³.

Во второй половине 2000-х и в 2010-х гг. наблюдался рост числа семей с детьми, осуществляющих такие траты (рис. 1). Так, если в 2000 г. лишь 41% семей с детьми говорили о таких расходах, то в 2018 г. – уже 64%. Как видим, даже серьезные ограничения в период кризиса 2014–2016 гг. и последующей негативной стабилизации экономики, отразившиеся в том числе в ухудшении положения большинства российских семей, не преломили этот тренд. Иной эффект имел кризис, вызванный пандемией, когда расходы россиян на содержание и оплату занятий детей заметно сократились. Этот тренд проявился и в отношении других видов расходов на платные услуги, но наиболее выраженным он оказался именно в отношении образования детей как наиболее распространенного направления.

Сокращение расходов россиян на содержание и оплату занятий детей явилось следствием двух факторов: сокращения доходов россиян и их опасений относительно дальнейшего ухудшения материального положения, что сузило возможности оплачивать занятия детей; снижения возможностей внедомашних видов деятельности в условиях локдаунов. К сожалению, имеющиеся данные не дают возможности точно разделить эффекты этих факторов. Однако нужно отметить, что доход не является основным фактором, определяющим инвестиции в детей, как будет показано ниже, а влияние ограничений на внедомашний досуг частично компенсировалось переносом дополнительного образования в онлайн (Павлов и др., 2021).

Далее мы фокусируемся только на расходах на образование детей, сопоставляя данные 2020 г. с данными 2013 и 2018 г. Выбор указанных точек наблюдения объясняется двумя причинами: во-первых, они отражают разные по своему характеру временные этапы последнего десятилетия (докризисный год, посткризисный относительно стабильный год, коронакризисный год), а во-вторых, как видно на рис. 1, они характеризовались значительными изменениями в динамике расходов семей на образование детей.

Чтобы оценить дифференциацию таких расходов в зависимости от положения домохозяйства в социальной структуре, далее будут рассмотрены основные оси пространства объективных социальных неравенств – уровень доходов, уровень образования и социально-профессиональный статус членов домохозяйства, а также субъективные самооценки ими своего положения.

³ Нужно отметить, что другие источники данных дают несколько отличающуюся в этом отношении картину, что еще раз подчеркивает важность методологических вопросов оценки таких инвестиций. Так, например, данные мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН (апрель 2018 г., 4000 респондентов) показывают, что использование платных образовательных услуг для детей за последние три года осуществлялось только в домохозяйствах 29,2% индивидов, проживающих в семьях с детьми и попавших в выборку исследования. Судя по данным российской выборки международного сравнительного исследования ISSP 2019 г. (International Social Survey Programme – международное ежегодное мониторинговое исследование по важным для социальных наук вопросам, <http://issp.org>), платные образовательные услуги для детей используются реже, чем медицинские, но чаще, чем аналогичные услуги для взрослых (24,8% от домохозяйств с детьми, причем в ретроспективе трех лет до опроса). Расхождения могут объясняться разными формулировками вопросов. Так, в РМЭЗ НИУ ВШЭ оценивается наличие любых расходов на содержание детей в дошкольных и внешкольных учреждениях (при такой формулировке в число подобных расходов могли попасть сборы на подарки учителям, на покупку методических материалов, на оплату школьного питания или продленки), в то время как в ISSP и мониторинге ФНИСЦ РАН подразумевается оплата непосредственно образовательных услуг. Несоответствия в полученных данных свидетельствуют о том, что те или иные расходы, связанные с процессом образования детей, регулярно несут около половины домохозяйств с детьми – но не все эти расходы можно трактовать как инвестиции в человеческий капитал, поскольку не все они подразумевают непосредственно оплату тех или иных занятий или посещения образовательных учреждений. Кроме того, опрос РМЭЗ НИУ ВШЭ проводится в основном в последние месяцы года, что может повышать долю домохозяйств, отмечающих в этой категории затраты на подарки педагогам и проведение праздничных мероприятий в детских садах и школах и пр. Что же касается целевых и регулярных (с учетом того периода, о котором задается вопрос, – года) расходов на платные образовательные услуги, то они, видимо, охватывают менее трети домохозяйств с детьми.

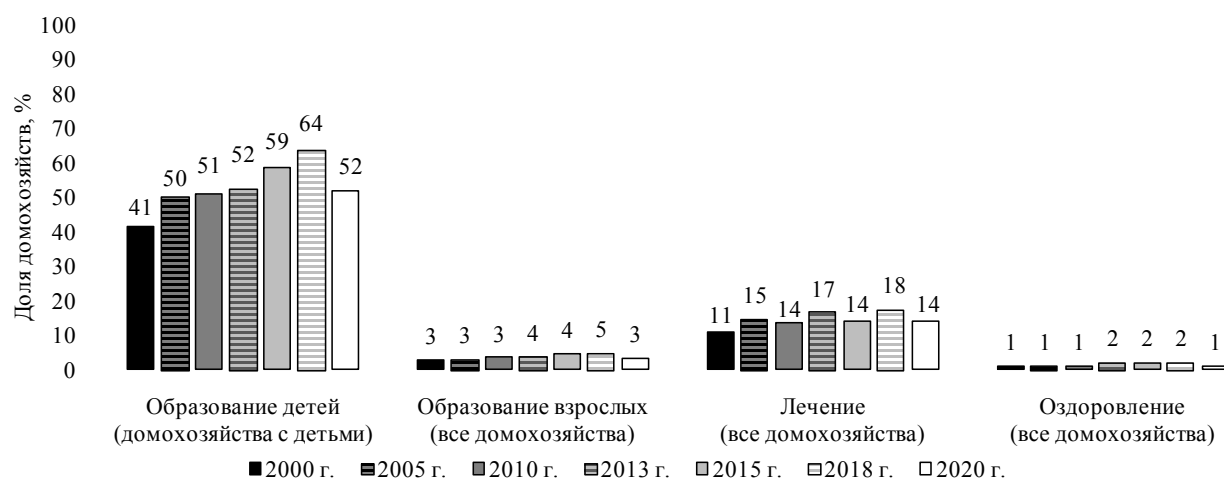

Рис. 1. Динамика использования платных услуг, 2000–2020 гг., % домохозяйств

Источник: составлено авторами по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ

Первый структурный срез, к которому следует обратиться, – доходный. Для анализа была использована классификация, включающая четыре крупные доходные группы (Тихонова, 2018). Для определения принадлежности домохозяйства к той или иной группе производилось сопоставление его текущих подушевых доходов с медианным значением этого показателя в том типе поселения, в котором оно проживает (т.е. со столичной, областной, городской или сельской медианой текущих подушевых доходов). Соотнесение именно с поселенческими медианами, а не со страновой, позволяет частично учесть высокое территориально-пространственное неравенство России и различия в стоимости жизни, в том числе и в отношении платных услуг.

Уровень доходов достаточно заметно дифференцирует инвестиции в человеческий капитал детей в домохозяйствах – чем выше доходы семей, тем чаще в их доходной группе встречаются те, кто осуществляют такие траты (рис. 2). В 2020 г. разрыв между полярными группами (с доходами менее 0,75 медиан по типу поселения и с доходами более 2 медиан по типу поселения) составил 1,6 раза, и по сравнению с предыдущими годами неравенство между группами возросло. Из динамики, представленной на рис. 2, мы также видим, что в период 2013–2018 гг. высокодоходные семьи относительно медленнее наращивали свои инвестиции. Остальные доходные группы оказались более уязвимыми к внешним шокам и имели меньше возможностей для адаптации к ним (Российское общество..., 2021). Поэтому с наступлением коронакризиса все достижения в этих группах сошли на нет, ситуация вернулась к схожей с 2013 г., и основную часть осуществленного ранее роста удалось сохранить только высокообеспеченным семьям, которые даже в сложных социально-экономических условиях не отказались от инвестиций в образование детей⁴. Численность таких семей в составе всего населения очень невелика (в 2020 г. не превышала 9% – см. Приложение), в то время как подавляющее большинство населения в своем инвестиционном поведении зависит от внешних шоков.

Наконец, как будет показано далее, доходные неравенства не играют лидирующей роли в дифференциации использования платных образовательных услуг для детей – их влияние сопоставимо с влиянием положения в других иерархиях. Если же говорить об их роли, то нужно отметить, что наиболее сильное влияние они имеют применительно к полярным доходным группам – низкодоходным и высокодоходным семьям, а в середине доходного распределения ситуация оказывается более однородной.

⁴ По всей видимости, в условиях локдаунов сохранение общего уровня инвестиций в образование детей в высокодоходной группе происходило за счет наращивания занятий в онлайн-форме (что требует, помимо прочего, возможности обеспечить ребенка отдельным рабочим местом и компьютером или планшетом на время занятий, также более характерной для домохозяйств из этой группы и отражающей одно из измерений неравенства в доступе к дополнительному образованию онлайн при его широкой формальной доступности для всего населения).

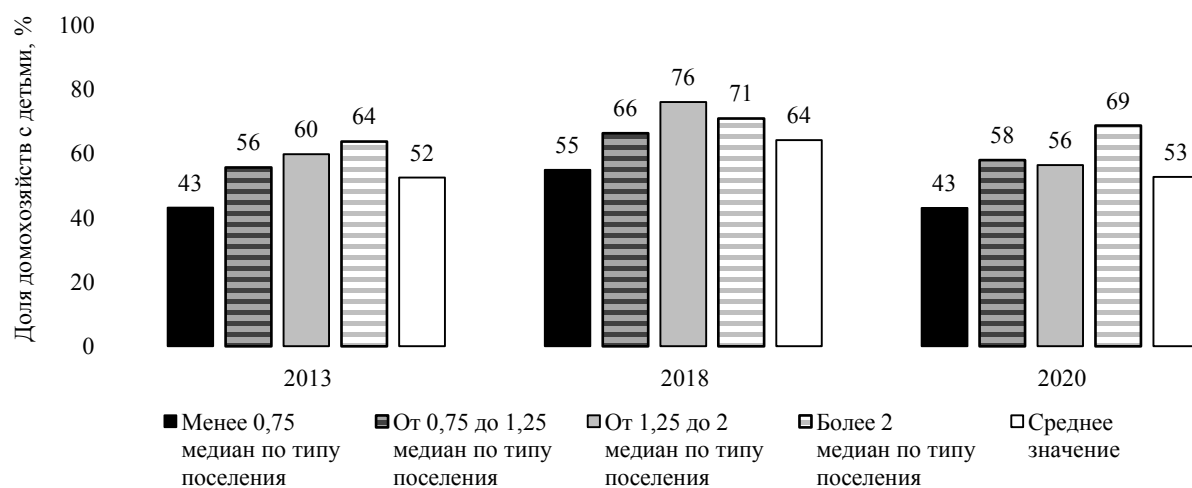

Рис. 2. Расходы на образование детей в домохозяйствах из разных доходных групп, 2013–2020 гг., РМЭЗ НИУ ВШЭ, % домохозяйств с детьми

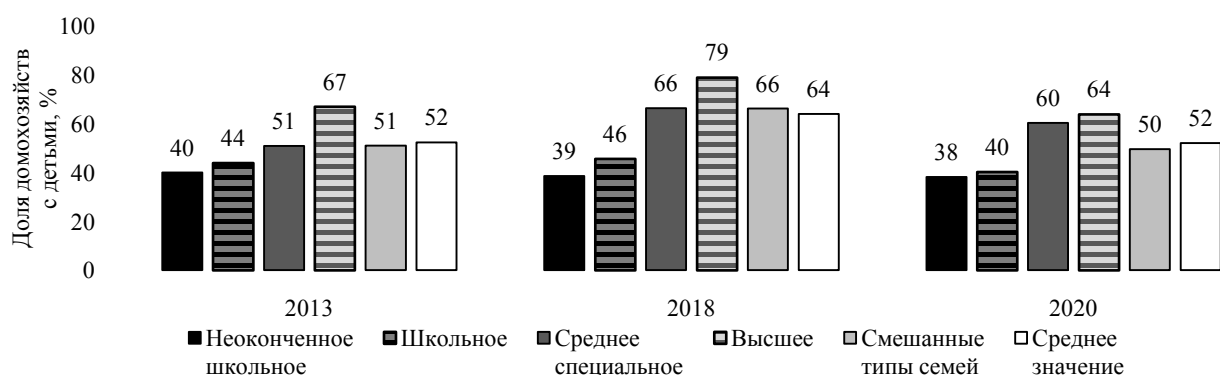
Источник: составлено авторами по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ

Положение в тех социальных иерархиях, которые традиционно считаются отражающими классовые различия, т.е. по уровню образования и по социально-профессиональному статусу, определялось для домохозяйства путем агрегирования данных об уровне образования и социально-профессиональных статусах его взрослых членов. Здесь следует пояснить некоторые методологические особенности выбранного подхода. Первая касается возрастных границ для взрослых представителей домохозяйств. В случае со структурой по уровню образования для определения статуса домохозяйства рассматривались его члены в возрасте от 23 лет и старше, т.е. имевшие возможность завершить обучение в высшем учебном заведении и получить соответствующий диплом. В случае со структурой по социально-профессиональному статусу рассматривались члены домохозяйства от 14 лет и старше, т.е. имеющие законодательно установленное право работать, хотя и на определенных условиях. Вторая методологическая особенность касается определения профессиональной принадлежности представителей достаточно многочисленной группы россиян, которые не были трудоустроены на момент опроса (пенсионеров, женщин, находящихся в декретном отпуске, и пр.). Их статус определялся по последнему месту работы. Третья касается россиян, характеризующихся множественной занятостью. В случае расхождения занимаемых ими позиций на основном месте работы и по совместительству (что встречалось, хоть и редко) профессиональный статус определялся по основному месту работы. Последняя особенность заключается в том, что в рамках профессиональной структуры была выделена отдельная категория «не имеющих постоянной занятости». В нее вошли те россияне, которые не имеют (и не имели в прошлом) постоянной работы и отвечали исключительно на вопросы о характере разовых приработков, которые в 9 из 10 случаев относились к физическому труду или торговле. Эти россияне были объединены в отдельную категорию (вместо разнесения в соответствующие профессиональные группы), так как они объединены спецификой их нестабильного положения на рынке труда независимо от формальной профессиональной принадлежности. Группа семей, в которых доминируют такие взрослые, оказалась немногочисленной (не более 5% – см. Приложение), но продемонстрировала значимые отличия в практиках инвестирования в человеческий капитал.

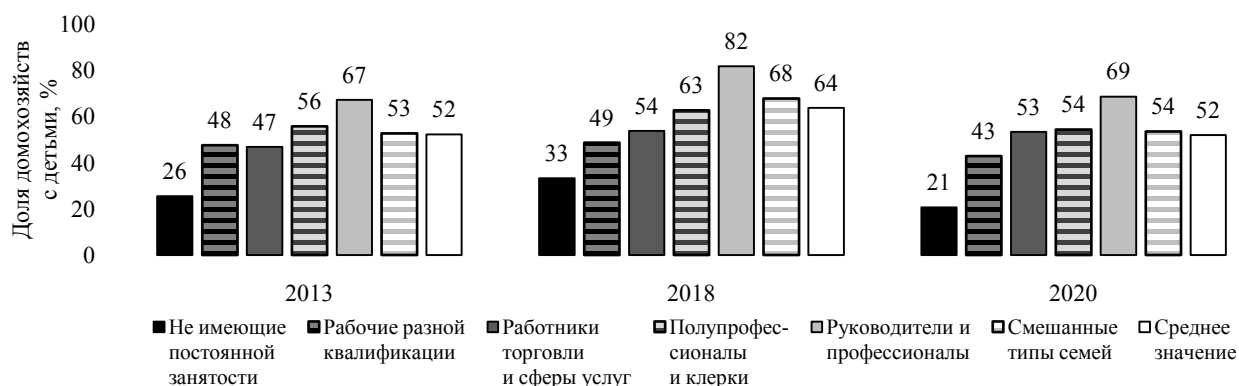
Определение статуса семьи на основе данных об образовании и профессиональном статусе ее взрослых членов производилось путем приписывания ей доминирующей среди них позиции (т.е. численного превосходства взрослых с соответствующим уровнем образования или профессиональной позиции в составе домохозяйства). При невозможности определить доминирующий признак домохозяйства относились к смешанному типу. Такие семьи составляли примерно треть от общего числа семей. В связи со спецификой их определения смешанные семьи в основном демонстрировали средние показатели по населению в целом.

Структуры домохозяйств по уровню образования и социально-профессиональному статусу их членов связаны с доходной структурой, но далеко не напрямую. Так, например, среди высокообеспеченных семей в 2020 г. менее половины можно классифицировать как высокообразованные и лишь четверть характеризуются доминированием специалистов высшей квалификации или руководителей среди взрослых. Среди бедных семей менее половины низкообразованы, и лишь у трети доминируют рабочие или не имеющие постоянной занятости. Это в очередной раз подчеркивает, что о российском обществе нельзя говорить как об обществе с высокой консистентностью статусных позиций, и важно проводить анализ не только через призму интегрального статуса, как в случае выделения среднего класса, но и отдельно по различным осям.

Анализ этих структур выявляет несколько особенностей расходов семей на платные образовательные услуги для детей по мере роста общего уровня образованности или профессионального статуса их взрослых членов (рис. 3А, Б).

А. По уровню полученного образования

Б. По профессиональному статусу

Рис. 3. Расходы на образование детей в домохозяйствах с различным уровнем образования и профессиональными статусами их взрослых представителей, 2013–2020 гг., РМЭЗ НИУ ВШЭ, % домохозяйств с детьми

Источник: составлено авторами по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ

Инвестиции в образование детей (измеренные через наличие расходов на соответствующие платные услуги) гораздо чаще осуществляют россияне, имеющие профильное образование – среднее специальное или высшее. Иные же семьи, в которых доминируют взрослые с образованием не выше полного среднего, инвестируют в детей заметно реже. Эти различия носят качественный характер – для первых такие расходы являются социальной нормой, в то время как для вторых – нет.

Большую роль при этом играет даже не уровень образования, а характер труда: неравенство между различными группами, выделенными по этому основанию, оказываются выше. Как видно из рис. 3Б, наиболее активными инвесторами в этом отношении являются работники высококвалифицированного умственного труда (руководители, специалисты высшей квалификации – «профессионалы»). Те же семьи, в которых взрослые члены семьи не имеют постоянной занятости и перебиваются разовыми приработками, в подавляющем большинстве не инвестируют в своих детей. Отметим этот факт, так как столь низкого значения расходов на сферу образования для детей не наблюдается больше ни в одном срезе. Дети из таких семей имеют наиболее низкие шансы на достойное будущее, что формирует риски устойчивого самовоспроизводящегося неблагополучия.

В период 2013–2018 гг. а затем 2018–2020 гг. доля семей, осуществляющих расходы на образование детей, выросла, а затем сократилась практически во всех категориях. Минимальные колебания наблюдались среди наименее образованных семей, где доля осуществлявших такие расходы исходно как была, так и осталась на наиболее низком уровне, отражая, видимо, вынужденность и неэластичность таких расходов (например, обязательные взносы в детских садах / школах и пр.).

Важно также оценить и неравенство в инвестициях в человеческий капитал детей по принципиально другой оси социальной иерархии, замеряющей субъективные оценки своего социального статуса российскими домохозяйствами. Для построения такой классификации были использованы ответы членов семьи, достигших 14-летнего возраста, на вопрос о субъективной самооценке своего положения в обществе по девятибалльной шкале, где 1 – самые бедные, а 9 – богатые. Ответы были объединены в три группы: 1–3 балла – низкое положение, 4–6 – среднее и 7–9 – высокое. Затем была применена аналогичная логика доминирования тех или иных оценок своего положения взрослыми членами для определения интегрального положения домохозяйства в иерархии субъективного неравенства.

Как следует из данных (рис. 4), субъективное восприятие своего уровня жизни начинает выступать значимым дифференцирующим фактором расходов на услуги, которые можно трактовать как инвестиции в человеческий капитал детей, в годы значительных потрясений (в нашем случае – в новых условиях 2020 г.). Так, среди субъективно богатых домохозяйств такие траты осуществляли в 2020 г. практически $\frac{3}{4}$ семей, в то время как среди всех остальных российских семей – около половины. При этом субъективное восприятие уровня жизни сильнее всего отражается именно на склонности к инвестированию в детское образование по сравнению с платными услугами для взрослых. Возможно, именно в периоды резких экономических изменений объективные признаки, традиционно используемые для определения социального статуса, не позволяют достаточно корректно оценить запас прочности и устойчивость позиций, в то время как субъективные показатели позволяют косвенно учесть все эти факторы через самооценку самих индивидов и домохозяйств. Однако нужно учитывать, что доля субъективно благополучных домохозяйств в структуре российского общества очень мала – они составляют лишь 2,1% всех домохозяйств (см. Приложение).

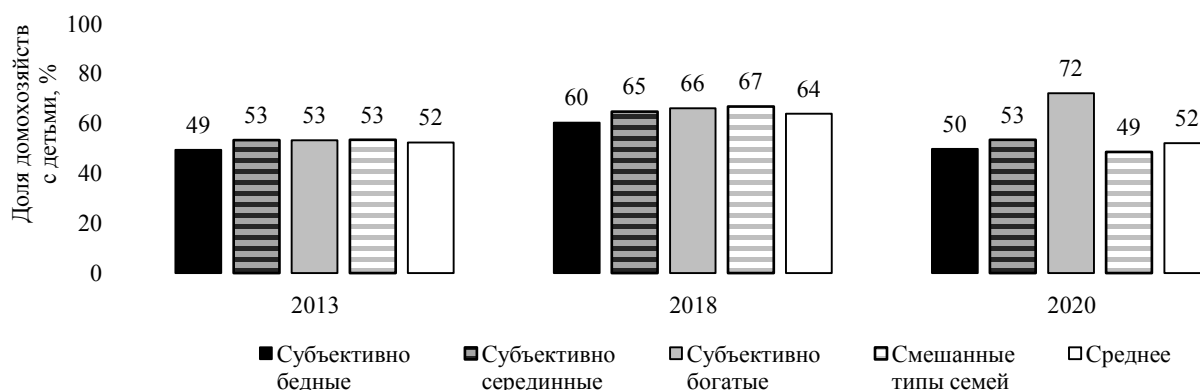

Рис. 4. Расходы на образование детей в домохозяйствах с различным субъективным статусом, 2013–2020 гг., РМЭЗ НИУ ВШЭ, % домохозяйств с детьми

Источник: составлено авторами по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ

В целом полученные по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ результаты говорят о том, что в отношении инвестиций в человеческий капитал детей, осуществляемых путем потребления платных услуг в образовательной сфере, их дифференциация определяется не только материальным положением домохозяйства. Даже в большей мере они обуславливаются социально-профессиональной принадлежностью его членов (т.е. ключевой характеристикой классовой принадлежности) и образованием. Как показывает анализ, именно инвестиции в детей оказываются наиболее дифференцированы на фоне инвестиций в образование или здравоохранение взрослых по каждой из использованных осей пространства «социальных координат». Неблагополучное положение по этому срезу неравенства занимают домохозяйства с низкими доходами, непостоянной занятостью и отсутствием профильного образования у его членов. В наиболее благополучном положении находятся высокодоходные и высокообразованные домохозяйства со взрослыми членами семьи, занятыми умственным высококвалифицированным трудом, а также (в годы социально-экономических потрясений) воспринимающие свое положение в обществе как благополучное на фоне большинства.

Если рассмотреть полярные группы по интегральному показателю объективного социального статуса, выделив в одном случае те домохозяйства, которые характеризуются доминированием взрослых с высшим образованием, занимающих позиции профессионалов и руководителей, и имеют доходы более 2х медиан по типу поселения, то среди них расходы на образование детей осуществляет подавляющее большинство – 75,4%, в то время как в противоположной группе домохозяйств с образованием большинства их членов не выше школьного и доминированием рабочих в их составе при доходах ниже 0,75 медиан – только 38,1%. Однако, как показал наш предыдущий анализ, важна не только концентрация этих признаков, но и более высокое или низкое положение по каждой из осей.

Включенность детей в дополнительные занятия

Учитывая те методологические особенности, о которых мы говорили выше, целесообразно дополнить проведенный анализ взглядом на инвестиции в человеческий капитал детей через другую призму – степень их включенности в дополнительные занятия (помимо школьных уроков у школьников и в любые занятия для дошкольников), что также позволяет сделать данные РМЭЗ НИУ ВШЭ.

В целях дальнейшего анализа все дополнительные занятия, которыми занимаются дети, были разделены на три группы, условно названные «творчество», «обучение» и «спорт»: в первую вошли занятия рисованием, музыкой, танцами и другими видами художественного творчества, а также для школьников – техническое и прикладное творчество (кружки моделирования, рукоделия и пр.), во вторую – углубленное изучение школьных предметов, компьютерных технологий или иностранных языков, в третью – занятия спортом (подвижные спортивные игры, бег, плавание, атлетика, единоборства и пр.). При опросе РМЭЗ НИУ ВШЭ на вопросы о вовлеченности детей в подобные практики отвечают родители, а сами вопросы задаются о детях старше двух и моложе 14 лет (т.е. в 2020 г. – о родившихся с 2007 по 2018 г. включительно). Отметим, что подобные виды активности не обязательно предполагают дополнительные финансовые затраты домохозяйства и являются отражением иного рода инвестиций, в первую очередь временных.

Данные показывают, что как минимум $\frac{2}{3}$ детей⁵ охвачены хотя бы какой-то развивающей деятельностью (табл. 1). Чаще всего это те или иные виды творчества (рисунок, музыка, рукоделие и пр.), которыми занят каждый второй ребенок, реже – спорт (более четверти детей), и еще реже – занятия, нацеленные на повышение образовательного уровня (менее 20% детей). Такое соотношение численности вовлеченных в те или иные занятия оставалось стабильным в разные годы, хотя в период 2013–2018 гг. возросла доля детей, занимающихся спортивным развитием, при сокращении доли занимающихся творчеством. С приходом коронакризиса сократилась вовлеченность во все три типа активности, и в наибольшей степени – в спортивные занятия. Это может объясняться сложностями реализации спортивных занятий в условиях локдауна (кото-

⁵ Здесь и далее мы приводим данные по индивидам (детям), а не домохозяйствам, как в первой части статьи.

рый в то же время менее сильно препятствовал двум другим видам активностей, которые проще реализовать в онлайн-формате, хотя вовлеченность детей и в них также сократилась).

Таблица 1

Вовлеченность детей в развивающие виды деятельности (творчество, спорт, углубленное изучение дисциплин), РМЭЗ НИУ ВШЭ, % детей в возрасте 2–13 лет

Характер вовлеченности	2013	2018	2020
Занимаются творчеством / искусством	54,9	49,9	45,0
Занимаются спортом	28,3	32,6	27,1
Изучают языки, дисциплины	16,6	18,1	17,0
Справочно			
Вовлечены хотя бы в один вид активности из вышеперечисленных	70,5	70,6	63,6
Вовлечены во все три вида активности из вышеперечисленных	4,4	4,3	3,6
Не вовлечены ни в один из видов активностей из вышеперечисленных	29,5	29,4	36,4

Рассмотрим, как проявляются неравенства в вовлеченности детей в те или иные виды активности в зависимости от положения и характеристик домохозяйств⁶.

Вовлеченность детей в развивающие занятия существенно зависит от того, где проживает семья: чем крупнее город, тем более многосторонне развитие ребенка. Однако различия между городами разных типов не столь сильны, как различия между городами и сельскими поселениями. В то время как в городах разной численности творчеством в 2020 г. были заняты 46–53% детей, то в ПГТ и селах – только 36,9%. То же самое наблюдается и в отношении спорта (27–33% против 20,1%) и особенно дополнительного обучения (21–24% против 8,6%). Ситуация, сложившаяся в селах, в целом настораживающая, так как каждый второй сельский ребенок (48,7%) не занимается ни одним из перечисленных видов активности ни в какой его форме (в городах разной численности аналогичные доли составляют 28–32%)⁷. Это в очередной раз актуализирует вопросы поселенческого неравенства, так как различия в инвестициях в детей в будущем отразятся на общем уровне человеческого капитала населения в разных типах поселений.

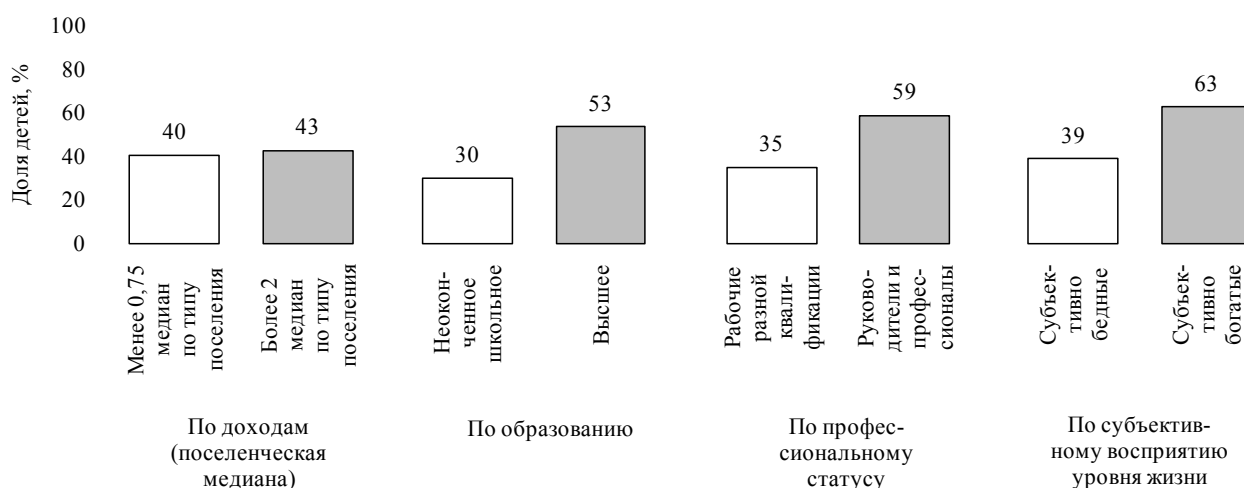
В отношении распределения дополнительных занятий наблюдаются и определенные гендерные различия: дополнительное обучение в равной степени свойственно и девочкам, и мальчикам, в то время как занятия различными видами творчества в большей степени распространены среди девочек (57,8% против 32,7% у мальчиков), а занятия спортом, наоборот, у мальчиков (32,3% против 21,7% у девочек). Можно говорить о том, что творческие занятия воспринимаются как определенная социальная норма для девочек, в то время как дополнительное обучение и регулярные занятия спортом вообще не являются сегодня подобной нормой для детей.

Положение домохозяйств на четырех осях «социальных координат», рассмотренных выше, выступает дифференцирующим фактором и для вовлеченности детей в те или иные виды активности. При этом оно сильнее влияет на то, будет ли ребенок вовлечен в процесс дополнительного обучения, нежели в процесс творческого или физического развития (см. рис. 5А–В).

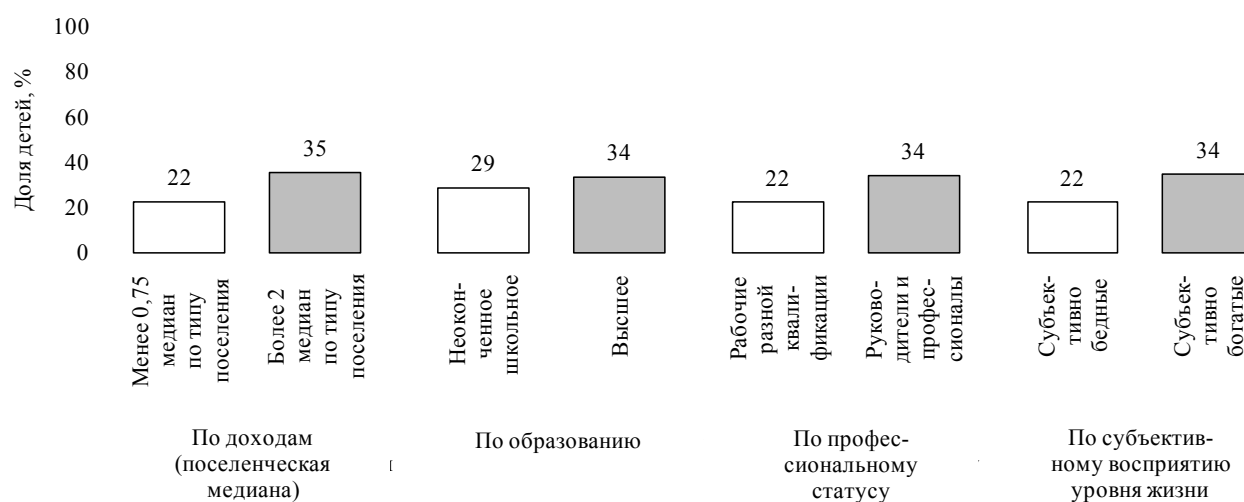
Наибольшие различия наблюдаются между детьми, семьи которых отличаются уровнем образования. При переходе от доминирующего неполного школьного образования к высшему образованию доля детей в соответствующих типах домохозяйств, занятых творческими видами деятельности, возрастает с 29,7% до 53,3% (причем нормой это становится на уровне доминирования в домохозяйстве как минимум среднего специального образования), доля занимающихся спортом – с 28,7% до 33,6%, а доля получающих дополнительное образование – с 6,9% до 28,1%.

⁶ Здесь и далее в тексте мы сфокусируемся на данных 2020 г., так как рассматриваемые неравенства оставались в период наблюдения в целом устойчивыми.

⁷ Даже в наиболее благополучном 2018 г., когда поселенческое неравенство было более сглаженным, это соотношение составляло 37,5% против 22–30%.

А. Дети занимаются искусством, творчеством

Б. Дети занимаются активными видами спорта

В. Дети изучают языки, дисциплины, информационные технологии

Рис. 5. Характеристики домохозяйств, в которых проживают дети, вовлеченные в те или иные виды развивающих активностей, 2020 г., РМЭЗ НИУ ВШЭ, % от числа детей

Источник: составлено авторами по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ

Что касается социально-профессиональной структуры домохозяйств, то она, как было показано выше, оказывает заметное влияние на использование платных услуг для детей. Неудивительно, что и вовлеченность детей в занятия творчеством и образованием в домохозяйствах, занимающих различное положение в профессиональной структуре, различается. В домохозяйствах, где доминируют руководители и профессионалы, охват детей дополнительными занятиями максимален – 58,8% занимаются искусством и творчеством, 34,2% – спортом, и 28,9% изучают какие-либо предметы, включая компьютерные науки и иностранные языки. Среди домохозяйств, в которых доминирует полярная профессиональная группа рабочих, эти доли составляют 34,8%, 22,3% и 11,8% соответственно; еще ниже они в домохозяйствах, где наибольшая доля взрослых членов не имеет постоянной занятости или не работает вообще (хотя даже в таких домохозяйствах какими-либо видами творчества занимается каждый четвертый ребенок, а спортом – каждый пятый).

Немалую роль играет и то, как взрослые члены семьи оценивают свой уровень благосостояния. Так, при переходе от субъективно бедных домохозяйств к субъективно благополучным доля детей, занятых творчеством, возрастает с 38,7% до 62,5%, спортом – с 22,3% до 33,4%, а обучением – с 13,5% до 33,3%.

Показательно, что положение в доходной иерархии практически не влияет на долю детей, занимающихся творчеством, хотя доля занимающихся спортом и дополнительным образованием возрастает с 22,4% и 11,0% среди домохозяйств с доходами менее 0,75 медиан до 35,2% и 27,8% в группе с доходами более 2 медиан по типу поселения соответственно.

Если обратиться к динамике этих показателей, вызванной коронакризисом, то доля детей, занятых активными спортивными занятиями, сократилась как в благополучных, так и неблагополучных по разным осям неравенства группах. Такая же тенденция наблюдалась и для занятых творчеством⁸. Что же касается вовлеченности в получение дополнительных знаний, то этот тип дополнительных занятий оказался наиболее устойчив к влиянию пандемии как в благополучных, так и неблагополучных категориях.

Если посмотреть на эту ситуацию с другой стороны, то данные исследований (Павлов и др., 2021) показывают, что, по оценкам руководителей организаций дополнительного образования, наиболее простым оказался переход в онлайн для программ изучения иностранных языков, гуманитарных и естественно-научных предметов. Художественное направление испытало сложности среднего уровня, а с наибольшими сложностями столкнулось спортивное направление (а также техническое, которое в нашей классификации относится к дополнительным знаниям). Эти оценки хорошо соотносятся с выявленной нами динамикой доли детей, вовлеченных в те или иные виды развивающих активностей.

В целом, говоря о специфике вовлеченности детей в те или иные виды развивающих активностей, можно отметить, что занятия творчеством распространены в заметно большей степени и являются социальной нормой для благополучных групп. Углубленные занятия теми или иными предметами вне школьной программы распространены среди детей в меньшей степени. Заметно большее внимание таким занятиям уделяется в домохозяйствах, занимающих верхние позиции в иерархиях дохода и уровня образования, но в наибольшей степени заметно дифференцирующее влияние социально-профессионального статуса и субъективной самооценки положения.

Важно, что многостороннее развитие ребенка, т.е. включенность во все три типа дополнительных занятий, практически не встречается (3,7% детей), в то время как обратное – полная исключенность из каких-либо форм внешкольных / внесемейных развивающих активностей – распространено достаточно широко (это характерно для каждого третьего ребенка – 36,4%). В наихудшем положении в этом отношении находятся дети, проживающие в семьях с непостоянно занятыми родителями, – ничем не занимаются более половины (56,3%) от их числа. Высокая доля «незанятых» детей наблюдается также в семьях рабочих (49,0%), россиян с неполным / полным школьным образованием (51,5%, 46,3%), а также в семьях субъективно бедных и бедных по доходам (41,8% и 42,9% соответственно). Всестороннее же развитие детей является чрезвычайно редкой практикой даже в наиболее благополучных категориях семей. Так, даже среди

⁸ С единственным исключением – среди субъективно благополучных домохозяйств доля занятых им детей возросла, но, как мы уже отмечали, эта группа очень мала по абсолютной численности.

детей, проживающих в богатых, высокообразованных семьях, а также в семьях, где доминируют высококвалифицированные работники умственного труда, доля детей, занятых всеми тремя видами активности, не превышает 8%. Наивысшая концентрация таких детей наблюдается лишь в тех семьях, взрослые представители которых в большинстве своем оценивают свой уровень жизни как высокий, т.е. среди субъективно богатых. Но даже в этих семьях доля таких детей составляет только 12,1%. При этом, как отмечалось выше, субъективное богатство охватывает лишь 2,1% от общего числа российских домохозяйств. Подобная чувствительность показателя к субъективному срезам может говорить о том, что, во-первых, зона благополучия далеко не полностью аппроксимируется показателями доходов, образования и положения на рынке труда и, во-вторых, мало охватывается массовыми опросами населения.

В этом отношении также возникает ряд методологических вопросов, связанных с тем, насколько творческие занятия могут рассматриваться как инвестиции в человеческий капитал детей, какую отдачу они могут дать в будущем, не стоит ли трактовать часть из них как инвестиции в культурный капитал и пр. Занятия в рамках школ или детских садов также не во всех случаях могут считаться инвестициями домохозяйств в человеческий капитал детей, если эти занятия не требуют финансовых или временных затрат. Отдельным интересным вопросом, для которого, к сожалению, доступная эмпирическая база не предоставляет возможностей изучения, выступает мотивация домохозяйств в этом отношении. С другой стороны, полученные данные о различиях в образовательной активности детей, осуществляемой вне школьных занятий (и в более раннем возрасте – вне семьи), дают базу для понимания контуров неравенства, которые могут проявиться в будущем с точки зрения как уровня человеческого капитала, так и привычек и навыков его приобретения и в целом говорят о различиях в инвестициях в детей как факторе воспроизводства социального неравенства в следующем поколении.

Обсуждение результатов

Проблема инвестиций в человеческий капитал детей, имеющая очень большое значение для определения возможного вектора дальнейшего развития российского общества, пока чаще рассматривается на макроуровне и требует детальной теоретико-методологической проработки для анализа таких инвестиций со стороны населения. Необходима проработка определения и классификации инвестиций в человеческий капитал детей, а также разработка специального инструментария для оценки их масштабов, типов и характера, регулярности, а также мотивации индивидов и домохозяйств для их осуществления. Подобные данные существенно расширят возможность экономического моделирования инвестиций в детей в различных социально-экономических условиях. Существующие показатели и индикаторы, включенные в инструментарий крупнейшего общероссийского исследования РМЭЗ НИУ ВШЭ, позволяют получить общее представление о распространенности расходов на образовательные услуги для детей, которые можно трактовать как финансовые инвестиции в человеческий капитал детей, а также различных практик, которые могут представлять собой инвестиции в него времени и сил. Полученные результаты уже позволяют сделать ряд важных выводов, однако в целом данное поле требует дополнительных специализированных эмпирических исследований, в том числе носящих мониторинговый характер.

Если рассматривать платные образовательные услуги как прокси инвестиций в человеческий капитал детей, то в динамике доля домохозяйств, в чей семейный бюджет входят подобные траты, оставалась на стабильном уровне в период 2000-х, затем показала рост в 2013–2018 гг. и откат под влиянием коронакризиса до уровня 2013 г. Однако, хотя более половины домохозяйств, имеющих детей, фиксирует те или иные расходы, связанные с их обучением, судя по всему, только лишь часть таких расходов связана с услугами, непосредственно направленными на накопление их человеческого капитала (так, судя по оценкам других исследований, непосредственно инвестиции в него осуществляет не более трети домохозяйств).

Положение домохозяйства или индивида в социальных иерархиях по уровню образования, профессиональному статусу, уровню дохода дифференцирует практики потребления инвестиций в человеческий капитал детей. Влияние каждой из них достаточно заметно, хотя и

по-разному проявляется в разных группах, и говорить об определяющей роли доходов в этом отношении нельзя. Наиболее дифференцирующую роль для иерархий дохода и социально-профессионального положения играет нахождение на самых благополучных позициях на этих осях по сравнению с наименее благополучными (т.е. неравенство между группами с полярными статусами), в то время как на срединных позициях, где сосредоточены наиболее массовые группы населения, картина в целом оказывается достаточно однородной и не позволяет говорить про сложившуюся модель (или модели) инвестиций в человеческий капитал детей. По уровню образования качественный разлом проходит на уровне перехода к доминированию в домохозяйстве среднего специального образования его членов⁹. В домохозяйствах, занимающих высокие позиции на осях социальных иерархий дохода, образования и профессионального статуса, инвестиции в детей путем использования для них платных услуг становятся социальной нормой.

Изменения, вызванные коронакризисом, заметно ухудшили ситуацию в этой области, поспособствовав откату к ситуации 2013 г. и нивелировав тот рост численности домохозяйств, осуществляющих расходы на образование детей, который наблюдался в 2013–2018 гг. Это сокращение не затронуло или затронуло в меньшей степени лишь наиболее высокодоходные и субъективно благополучные домохозяйства, численность которых в российском обществе сегодня очень невелика. Все остальные домохозяйства пострадали от изменения внешних условий¹⁰.

С точки зрения охвата младшего поколения россиян дополнительными (для школьников – вне школы, для дошкольников – вне семьи) занятиями оказывается, что дети достаточно активно вовлечены в разные виды творческого развития и менее активно – в спортивные занятия, в то время как занятия, направленные на получение углубленных знаний, распространены в гораздо меньшей степени. Дети, получающие дополнительные знания, также локализуются в домохозяйствах с высоким социальным статусом, но даже в них составляют меньшинство. Важно, что многостороннее развитие ребенка практически не характерно для российских домохозяйств, в то время как обратное – исключенность из каких-либо институционализированных форм развивающих активностей – встречается достаточно часто. Под влиянием коронакризиса доля детей, занятых активными спортивными занятиями, сократилась как в благополучных, так и неблагополучных по разным осям неравенства группам, и аналогичная тенденция наблюдалась и для занятых творчеством. Практики получения дополнительных углубленных знаний оказались наиболее устойчивы к влиянию пандемии как в благополучных, так и неблагополучных категориях.

Наконец, нужно отметить ту важную дифференцирующую роль в отношении инвестиций в человеческий капитал детей, которую играет субъективная самооценка своего положения россиянами, особенно в условиях резких социально-экономических изменений. Это говорит о том, что объективно высокий или низкий социальный статус, замеренный по традиционным осям, далеко не всегда полностью отражает риски и возможности индивидов и домохозяйств, которые они оценивают для себя сами и на основании которых принимают те или иные решения. В этом отношении субъективный срез неравенства нуждается в особом внимании. В целом можно говорить о том, что при экономическом моделировании инвестиций в человеческий капитал детей пул независимых переменных целесообразно расширять за счет переменных, отражающих положение домохозяйства в различных иерархиях неравенства, не ограничиваясь только неравенством доходов.

Литература / References

Коленникова Н.Д. (2019). Статусная консистентность занятого населения в современной России. *Социологические исследования* (11), 52–62. [Kolennikova, N. (2019). Status consistency of the employed population in modern Russia. *Sociological Studies* (11), 52–62 (in Russian)].

⁹ Мы предполагаем, что, если говорить не обо всех расходах на образование детей, а только о тех, которые действительно являются инвестициями в человеческий капитал, этот разлом пройдет выше, на уровне перехода к доминированию высшего образования среди членов домохозяйств.

¹⁰ Более того, помимо количественных изменений, имели место и качественные, связанные со снижением качества дополнительного образования (хотя и при повышении его формальной доступности) при переходе в онлайн. Можно предполагать усиление неравенства в возможностях доступа к качественным образовательным онлайн-услугам между домохозяйствами, занимающими различное положение в обществе.

- Кузьминов Я.И., Овчарова Л.Н., Якобсон Л.И. (2016). *Человеческий капитал как фактор социально-экономического развития*. Краткая версия доклада к XVII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 19–22 апреля 2016 г. М.: НИУ ВШЭ, 76 с. [Kuzminov, Y., Ovcharova, L. and Jakobson, L. (2016). *Human capital as a factor of socio-economic development*. Brief version of the report for the XVII Yasin (April) International Academic Conference on Economic and Social Development, April 19–22, 2016. Moscow: HSE Publishing House, 76 p. (in Russian)].
- Кузьминов Я.И., Фрумин И.Д. (ред.) (2018). *Двенадцать решений для нового образования*. Доклад Центра стратегических разработок и Высшей школы экономики. М.: НИУ ВШЭ. [Kuzminov, Y. and Froumin, I. (2018). *Twelve solutions for new education*. Report of the Center for Strategic Research and the Higher School of Economics. Moscow: HSE Publishing House (in Russian)].
- Мареева С.В. (2012). Практики инвестирования среднего класса в свой человеческий капитал. *Terra Economicus* **10**(1), 165–173. [Mareeva, S. (2012). Middle class' investing practices in one's own human capital. *Terra Economicus* **10**(1), 165–173 (in Russian)].
- Павлов А.В., Гошин М.Е., Косарецкий С.Г., Иванов И.Ю., Ершова В.С. (2021). *Современная аналитика образования. Вып. 50: Дополнительное и неформальное образование школьников в условиях пандемии COVID-19*. М.: НИУ ВШЭ. [Pavlov, A., Goshin, M., Kosaretsky, S., Ivanov, I. and Ershova, V. (2021). *Modern analytics of education. Issue 50: Complementary and non-formal education for schoolchildren in the context of the COVID-19 pandemic*. Moscow: HSE Publishing House (in Russian)].
- Пишняк А.И., Гурьянова А.Р., Назарбаева Е.А., Халина Н.В. (2020). Инвестиции среднего класса в человеческий капитал: потребление платных услуг в области образования и медицины. *Вопросы экономики* (11), 69–85. [Pishnyak, A., Goriainova, A., Nazarbaeva, E. and Khalina, N. (2020). Middle class' investment in human capital: Consumption of paid services in education and medicine. *Voprosy Ekonomiki* (11), 69–85 (in Russian)].
- Российское общество в условиях пандемии: год спустя (опыт социологической диагностики)*. Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ) (2021). (2), 109 с. [Russian Society in the Context of the Pandemic: A Year Later (the Experience of Sociological Diagnostics). *Information and Analytical Bulletin (INAB)* (2021) (in Russian)]. DOI: 10.19181/INAB.2021.2
- Саблина С.Г. (2000). Кристаллизация статуса средних слоев в современной России. *Социологический журнал* (1/2), 107–118. [Sablina, L. (2000). Status crystallization of the middle social strata in modern Russia. *Sociological Journal* (1/2), 107–118 (in Russian)].
- Тихонова Н.Е. (2008). Состояние здоровья среднего класса в России. *Мир России: Социология, этнология* **17**(4), 90–110. [Tikhonova, N. (2008). State of health of the Russian middle class. *Universe of Russia: Sociology, Ethnology* **17**(4), 90–110 (in Russian)].
- Тихонова Н.Е. (ред.) (2018). *Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения*. М.: Нестор-История. [Tikhonova, N. (ed.) (2018). *Income Stratification Model of the Russian Society: Dynamics, Factors, Cross-country Comparisons*. Moscow: Nestor-Istoriya (in Russian)].
- Altintas, E. (2016). The widening education gap in developmental child care activities in the United States, 1965–2013. *Journal of Marriage and Family* **78**(1), 26–42.
- Becker, G. (1993). *Human capital: A theoretical and empirical analysis, with special reference to education*. Chicago and London: University of Chicago Press.
- Bianchi, S., Cohen, P., Raley, S. and Nomaguchi, K. (2004). Inequality in parental investment in child-rearing: Expenditures, time, and health. In: Neckerman, K. (ed.) *Social inequality*. New York: Russell Sage Foundation, pp. 189–219.
- Campbell, M., Haveman, R., Sandefur, G. and Wolfe, B. (2004). *What does increased economic inequality imply about the future level and dispersion of human capital?* The Russell Sage Foundation-University of Wisconsin-Madison.
- Heckman, J. (2000). Policies to foster human capital. *Research in Economics* **54**, 3–56.
- Heckman, J. (2006). Skill formation and the economics of investing in disadvantaged children. *Science* **312**(5782), 1900–1902.

-
- Kornrich, S. (2016). Inequalities in parental spending on young children: 1972 to 2010. *AERA Open* **2**(2), 2332858416644180.
- Kornrich, S. and Furstenberg, F. (2013). Investing in children: Changes in parental spending on children, 1972–2007. *Demography* **50**(1), 1–23.
- Lareau, A. (2003). *Unequal Childhoods: Class, Race, and Family Life*. Berkeley: University of California Press.
- Park, H., Buchmann, C., Choi, J. and Merry, J. (2016). Learning beyond the school walls: Trends and implications. *Annual Review of Sociology* **42**, 231–252.
- Schneider, D., Hastings, O. and LaBriola, J. (2018). Income inequality and class divides in parental investments. *American Sociological Review* **83**(3), 475–507.

Приложение

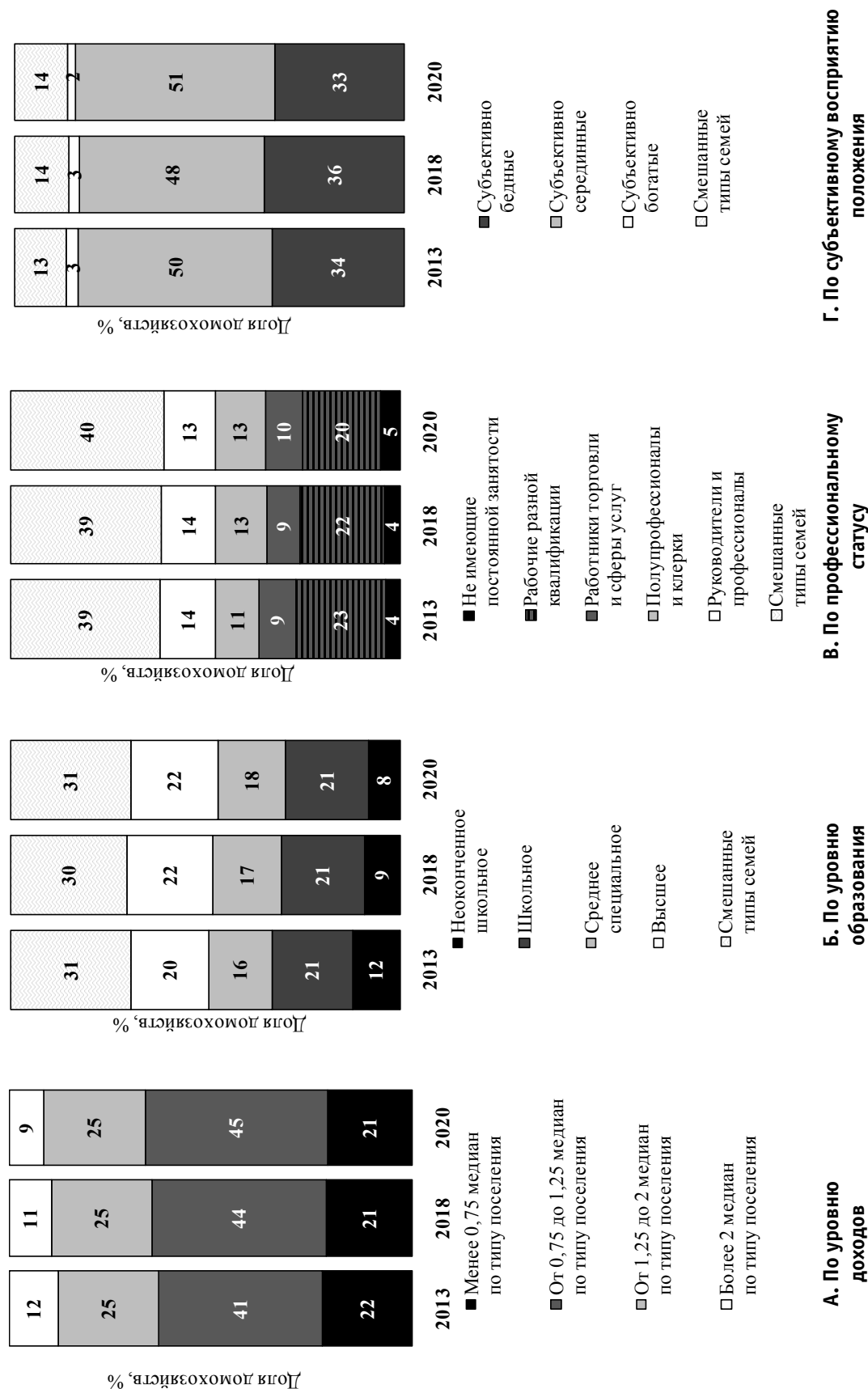

Рис. Структура российских домохозяйств по доходам, уровню образования, профессиональному статусу и субъективному восприятию положения, 2013–2020 гг., % домохозяйств

Источник: расчеты авторов по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ